

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

К 90-летию со дня рождения
Федора Ивановича Шаляпина

(Страницы воспоминаний)

Автор публикуемых сегодня воспоминаний артист Павел Алексеевич Дьяков много лет жил вдали от Родины — в Китае. Там он был одним из ведущих актеров русского театра и близко знал многих выдающихся деятелей русского искусства, по тем или иным причинам оказавшихся после Великого Октября в эмиграции. Павел Алексеевич никогда не расставался с мечтой о возвращении на Родину. Эта мечта осуществилась. Несколько лет Павел Алексеевич играл на сцене Акмолинского областного русского драматического театра. Сейчас он на пенсии, живет в Целинограде.

Я ДУМАЮ, что из всех представителей богемы, собравшихся в тот зимний дождливый шанхайский вечер в роскошном отеле «Катэй», я больше всех мечтал о возвращении на Родину.

Не догадывался ли об этом наш гостеприимный и радушный хозяин Федор Иванович Шаляпин? Не потому ли, когда мы селились за стол, он и усадил меня рядом с собой по правую руку? По левую сидела единственная в нашей компании женщина — балерина оперетты Шура Ганина. И когда в память об этой встрече мы решили сфотографироваться и рассаживались перед объективом фотоаппарата, в возникшей суете я очутился рядом с Федором Ивановичем.

Эдуард Иванович Элиров, постановщик многих балетов на дальневосточных сценах, единственный из всех нас лично знакомый с Шаляпиным еще до революции, сказал тогда:

— Ну вот, опера, оперетта и драма преклоняют колени перед Шаляпиным.

Оперу и оперетту представлял баритон Георгий Кудинов, певший в те годы все центральные партии, начиная от Эдвина («Сильва») и Раджами («Баядерка») и кончая Демоном и Онегиным.

Я тоже тогда был актером, как говорили недруги, «на хорошие роли». Играл Чацкого, Хлестакова, царя Федора, Раскольника, шиллеровского Фердинанда...

И даже не задумался я тогда, уходя от Шаляпина, над причиной такой особой ласки, которую ощущал в его обращениях ко мне.

Я не мог тогда знать, что всего только за год до нашей встречи была у него в Париже жена А. М. Горького Екатерина Павловна и передавала ему наказ друга, что давно уж пора Федору вернуться домой. Я-то этими мыслями жил многие годы, проведенные за рубежом. А много их было. Тридцать четыре...

Не знал я и ответа на вопрос Екатерины Павловны, что же мешает ему вернуться в Россию. Боялся Шаляпин, пустят ли его в Советский Союз... Но вот Марья Валентиновна, вторая жена Шаляпина, та определенно отпустить не собиралась. И только два года тому назад прочел я об этом волнующем разговоре:

— Куда ты такой большой поедешь? Я с тобой не поеду.

— Ну что ж, — ответил Федор Иванович, — я с Даской поеду. Поедешь? — спросил он, обращаясь к своей младшей дочери Даске. Та живо ответила, обнимая отца:

— Конечно, папа, с радостью поеду!

Не знал я об этом ее ответе, когда сама Дася в том же 1936 году на спектакле «Трех сестер» в нашем драматическом Шанхайском театре приходила за кулисы знакомиться с актерами. Если бы

знал, не выдержал бы — расцеловал ее, не взирая на присутствие Марьи Валентиновны...

Шаляпин на спектакль не приехал... Было заказано пять билетов, но среднее кресло, где должен был сидеть Федор Иванович, весь спектакль оставалось пустым. Остальные места занимали Марья Валентиновна, Дася, пианист Годзинский и администратор Кашук.

После огромного нервного подъема, вызванного ожиданием приезда Федора Ивановича, было невыносимо играть спектакль. А играл я в нем Тузенбаха.

Дася, вероятно, далеко не все понимала в чеховской пьесе. Французский язык она знала лучше родного... А ведь еще семилетним ребенком играла она на ролях самому Рахманинову.

Интересно бы знать, каков дальнейший жизненный путь Даси Федоровны Шаляпиной. Вероятно, она идет привычной дорогой своей матери, о которой Герберт Уэллс во время его первого посещения России писал, что революция совсем не коснулась ее. Что госпожа Шаляпина спрашивала тогда в революционном Петрограде, что носят сейчас в Лондоне: ведь последний дошедший до нее журнал мод был трехлетней давности...

Воспоминания снова уносят меня в тот единственный и неповторимый в моей жизни вечер. Как выглядел Шаляпин? Первое, что запомнилось, — большие руки... Старинное кольцо... Постоянно меняющееся выражение лица... Чуть раздвинутые ноздри, поднимается нависшая, начинающая седеть правая бровь — и другой человек... Глубокие морщинами изрезан высокий лоб... Питливые голубовато-серые глаза стараются впитать в себя все, что видят.

И голос... Шаляпинский голос. Когда я услышал эти первые слова: «Ну, входите, входите, друзья!» — я был поражен. Это было так непохоже на привычный тембр шаляпинского голоса на сцене! В жизни у Федора Ивановича голос оказался не басом, а баритоном... и даже довольно высоким.

Даже не могу вспомнить, был ли еще кто-нибудь в комнате, когда мы вошли туда. Марья Валентиновна? Любимая младшая дочь Дася?.. Не знаю. А возможно, что я не видел никого, кроме этого высокого богатыря, величавой улыбкой встречавшего младших своих братьев по искусству.

Впрочем, кроме актеров, среди нас были и литераторы. Писатель Павел Северный, пьесу которого «Тургеневская сказка» мы тогда играли в драматическом театре. Романы же его «Леди» и «Косая Мадонна» имели большой круг читателей. Фельетонист газеты «Заря» Полишинель. Влюбленный в мир Пьеретт и Арлекинов поэт Михаил Спургот... Всего семь человек.

Поздоровавшись, Шаляпин некоторое время помолчал, как бы давая нам время прийти в себя и осмотреться.

Рахманинов сказал, что для будущих поколений Шаляпин будет легендой. Встреча, о которой идет мой рассказ, для еще живых ее участников — настоящее. Но для меня она уже почти легенда.

Четыре или пять часов длился монолог Шаляпина. О чем говорил он? О театре. Об искусстве... О Родине...

Редкие наши вопросы и короткие наши ответы на его вопросы. Ну, что интересного могли мы рассказать ему, другу Горького, Репина, Рахманинова, Стасова... Мы хотели только слушать и слушать... Чтобы никогда не закончился этот легендарный вечер...

Эдуард Иванович по просьбе Шаляпина коротенько рассказал ему, кто мы и что мы. Это было начало. Потом заговорил Шаляпин:

— Все-таки могучая штука это — искусство. Нас здесь 8 человек. Люди самые различные, а вот связаны театром... И хоть впервые в жизни встретились, а как будто целый век знакомы... Вы меня поймете сейчас... Иду я сегодня утром по улице... Ну, самая главная здесь... Нанкин-род... Да! Не то снег, не то дождь. Ваша шанхайская зима... И вдруг передо мной мальчишка-китайченок, бежит вперед, делает салют-мораль. Ручонки пошнели, дрожит весь от холода... А работа чужая, артистическая. Не скользят пальцы по грязной мостовой. И после каждого курбета повернется ко мне и шепнет дрожащими губами три единственные слова, которые он знает на языке просвещенных мореплавателей:

— Мистер... Плис... Моней... Ну, не выдержал я, поднял его наверх... А тельце тщедушное, в чем душа держится... И говорю я ему на русском языке:

— Никакой я, к черту, не мистер, а собрат твой по искусству, или, лучше сказать, по ремеслу... Так что ли Незнамов-то говорит, а? — совершенно неожиданно обратился ко мне Шаляпин. Я докончил реплику из «Без вины виноватых»:

— Ну, и поцеловал я его в грязную физиономию. Перепугался парень... И «моней» я ему, конечно, дал...

Воцарилось недолгое молчание... Благостное молчание...

А Шаляпин продолжал:

— И какая же здесь, в дальневосточном Париже вопиющая нищета! Во всем мире такой не видел... Эти огромные банки, роскошные особняки — прямо дворцы, а отойдешь в маленький переулок — какие-то норы в навозе, где ютятся живые люди...

Разве это не легенда для будущих поколений? — Шаляпин, обнимающий нищего китайчонка-акробата на мокрой шанхайской улице. А незадолго до этого в Сингапуре Федор Иванович впрягся в оглобли рикши и, посадив в коляску возницу-малайца, довольно долго возил его по улице... Надо же было на себе испытать тяжесть и этого человеческого труда!

ПОСЛЕ шаляпинского рассказа я почувствовал, что и мне есть чем поделиться. Торопливо и запинаясь от волнения начал я свои воспоминания о первой встрече с китайскими актерами.

Было это во время моих скитаний по Китаю в 1921 году. В провинции Гань-Су, на постоялом дворе. Жившие там китайские актеры, узнав от хозяина, что в группе этих голодных, оборванных русских есть актер, пришли со мной познакомиться. Они не знали ни слова по-русски, я — ни слова по-китайски... А был я тогда беднее утренного шаляпинского китайчонка. Даже белья на мне не было. Несмотря на жаркое лето, одет я был в меховую куртку и такие же штаны, мехом наружу... С великой любовью и дружбой приняли меня в свою семью такие же нищие актеры дальней провинции. Дней пять они кормили меня... Ну, и конечно, поили. Видимо, в этом отношении актеры всего мира свято чтут традиции Кина и Мочалова. А на спектаклях, которые длились почти целый день, я торжественно восседал на самой сцене, со оруженными посреди торговой улицы города... Часами наслаждался я неведомой мне до тех дней ритмичностью и выразительностью жестов этих уличных актеров, игравших на самой окраине огромной страны...

Шаляпин внимательно, глядя в глаза, слушал мой рассказ о китайских актерах.

— А как же они там передвигаются, эти актеры? На этих отдаленных окраинах... Ведь железных дорог там нет?

— На арбах. А чаще и пешком... То есть имущество и женщины с изуродованными ножками едут. Ну, а мужчины и ребята — «по образу пешего похождения».

Шаляпин восторженно всплеснул руками:

— Да ведь это же «Паяцы»! Это «Капитан Фракасс»... Геннадий и Аркашка...

И полился разговор. Час, другой... Вспоминали драматических актеров, певцов, писателей... Кто-то сказал, что скоро бенефисный спектакль. Идет «Лес». И я играю Аркашку. Шаляпин оживился:

— Как же Аркашку! Говорил ведь Эда, что ты больше по столам Орленева... Хотя он Аркашку-то тоже, кажется, играл... Я не видел. А вот Геннадия Несчастливцева я когда-то игрывал. Правда, очень давно, еще до хора... Ну-ка давай попробуем, сцену встречи сыграем... Может быть, и вспомню что...

И Шаляпин, выйдя из-за стола, как-то нервно подернул плечами, отошел в угол комнаты и пошел мне навстречу таким Геннадием, какого не случилось мне видеть никогда в театре.

Выпито было уже довольно много. Но я сразу отрезвел и, приняв облик Аркашки, ринулся к пешему трагичу Несчастливцеву.

Радостно и восторженно: — Аркашка!

— Я, Геннадий Демьяныч. Как есть весь тут.

На снимке (слева направо): стоит — П. А. Северный, Полишинель (Н. Е. Петров) и Э. И. Элиров, сидят — Г. И. Кудинов, Ф. И. Шаляпин, А. Ганина, П. А. Дьяков и М. Спургот. (Фотография публикуется впервые)

— Куда и откуда?

— Из Вологды в Керчь-с, Геннадий Демьяныч. А вы-с?

— Из Керчи в Вологду. Ты пешком!

— На своих, Геннадий Демьяныч. А вы-с, Геннадий Демьяныч? — В карете... Разве ты не видишь? Что спрашиваешь? Осел!

...Так сыграли мы 2—3 страницы бессмертной встречи «пеших путешественников». Потом Федор Иванович стал путать текст.

— Ну, брат, дальше не помню... Идем к столу.

Это были легендарные минуты моей жизни! Так любовно обняли меня, вечного Аркашку, шаляпинские руки, так ласков был поцелуй, что я тогда же почувствовал, что наша сцена из «Леса» — это продолжение утренней встречи Шаляпина с жалким уличным акробатом.

Не помню, когда появилась в комнате Марья Валентиновна. До «Леса» это было? Или позднее? Очень красива. Есть что-то в облике от старообрядок-раскольников из романов П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». Несмотря на годы, хорошо! Ничего не скажешь...

Вот она какад, вторая жена Шаляпина! Это она в 20-х годах вселяла в него мысль об отъезде за границу: «Бежать! Бежать! Бежать!... Это она часто говорила: «Только через мой труп вернется Федя к большевикам».

Мы сидели за столом и мирно беседовали, когда вошла Марья Валентиновна. Привычным хозяйским взглядом оценила она обстановку, подошла к мужу, и, взяв его пустую рюмку, переставила на камин:

— Не хватит ли? Мне кажется, ты уже достаточно выпил... А? Федя!

Марья Валентиновна недружелюбно и не то чтобы посмотрела, а так молниеносно зыркнула в мою сторону:

— А вы, дорогие гости, не стесняйтесь, продолжайте!

И, очаровав нас обворожительной улыбкой, госпожа Шаляпина, урожденная Элухен, по первому мужу Петюльды, вышла, оставив довольно обескураженными своих «дорогих гостей»... Неловкое молчание. Прервал его сам хозяин. С видом заговорщика из старинной мелодрамы он наклонился ко мне и, лукаво подмигнув на мою пустую рюмку, таинственно прошептал:

— Наливай... Будем пить по очереди. Из твоей... А моя сиротинка пусть на камине стоит... Отдыхает...

И ВЕСЬ вечер в чудесном настроении был наш знаменитый хозяин. Казалось, вся ночь так пройдет. И надо же мне было вспомнить прочитанную незадолго до этой встречи книгу о частом партнере Шаляпина — чудесном русском певце Л. В. Собиннове:

— А вы, Федор Иванович, читали книгу о Собиннове, вышедшую в Москве?

— Нет... А что, там и обо мне, поди, пишут?

— Да, много... Но особенно забавно в примечаниях...

Память у меня тогда была хорошая. И процитировал я, вероятно, очень точно. Что-то приблизительно так:

— «Шаляпин Ф. И. — выдающийся певец-бас. Первый полу-

чил звание народного артиста Республики. Уехал в 1921 году за границу и не вернулся... Находится сейчас в стане злобствующей эмиграции».

Сказано слово — не воротишь. Сначала Федор Иванович перевел все на шутку:

— Ну вот и отлично. Надо будет визитные карточки заказывать: «Артист Шаляпин. Адрес — Европа, стан злобствующей эмиграции...» Только не так все это просто.

И как-то помрачнел весь. Глаза потухли, какая-то затеянная скорбь появилась в них. И еще несколько раз, даже когда он говорил о чем-то другом, устремлялась шаляпинская мысль к этим, так тяжело ранящим его словам. И он повторял вслух:

— Стан злобствующей эмиграции!

Конечно, не я спросил тогда Шаляпина, почему не вернулся он в Советский Союз. И снова попытался Федор Иванович шуткой ответить на этот мучивший его вопрос:

— Да процентов за мной по Рибусу накопилось много за несколько лет... Ну, и пристали: плати да плати! А платить мне не охота... Я и послал им вместо процентов свою книжку Волжско-Камского банка, где на счету пропала у меня в дни революции довольно крупная сумма... Может, и не очень это была остроумная, скажем, выходка с моей стороны... Вот с этого и началось. А потом — «чем дальше в лес — тем больше дров».

Не рассказав нам тогда Шаляпин, что шесть лет назад, в 1930 году возбудил он иск к Советскому правительству в два миллиона франков, обвиняя в самовольном печатании его мемуаров. Не упомянул он и имени В. Полякова, посредственного драматурга, который был фактическим автором книги Ф. И. Шаляпина «Маска и душа». Поляковский-то адрес был действительно стан злобствующей эмиграции. И, конечно, это не могло не отразиться на шаляпинской книге...

Но только вскоре почувствовали мы, что пора расхотится по домам. Обнимая на прощание Ганину, Кудинова и меня, снова повеселевший Шаляпин сказал:

— Ну вот, спасибо, что пришли люди молодые и из театра... А то ведь ко мне все какое-то допотопное старье допускать... Уж, извини, Эда, ты не в счет. И, изображая какого-то бывшего сановника, зашамкал Шаляпин по-стариковски:

— «А помните, Федор Иванович, как вы, получив высокое звание Солиста их императорских величеств, были удостоены беседы с покойным монархом нашим...» А я уж давно и думать забыл о всех этих ископаемых. Ну, до свидания, друзья... Вернусь из Харбина — встретимся.

Но встретиться не пришлось. В Харбине монархические организации требовали, чтобы Шаляпин дал концерт в их пользу. Федор Иванович категорически отказался. Началась травля. По городу распространялись листовки такого содержания: «Русские люди! Шаляпин — враг эмиграции! Ни одного человека на его концерт! Бойкотуйте Шаляпина! Ни одного цента Шаляпину!»

В Шанхае повторилось то же самое. Шанхайские эмигранты требовали, чтобы Федор Иванович дал для них два концерта.

Шаляпин выгнал представителей монархических организаций из своего номера и заявил, что немедленно уезжает в Европу. (А через год Шаляпин пел в концерте в пользу бастующих горняков Уэльса.) Накануне отъезда Федор Иванович сказал, что он никого не хочет видеть. Но через Эдуарда Ивановича Элирова попросил, чтобы вечером пришли к нему Александр Николаевич Вертинский и Аркашка... Так Федор Иванович называл меня после импровизированной репетиции «Леса». Приглашение Шаляпина мне так и не передали тогда...

МНЕ ХОЧЕТСЯ немного рассказать о судьбе некоторых участников той незабываемой встречи.

Балетмейстер наш Э. И. Элиров вскоре умер в Циндао, так и не дождавшись возвращения на Родину.

Георгий Кудинов практически подошел к личному знакомству с великим певцом. Он долго вырезал из фотогазеты, сделанной в тот вечер, себя и Шаляпина и сделал великолепное клише — Шаляпин и Кудинов. Я видел этот «тратательный» снимок на обложке какого-то американского журнала.

В дни, когда в Китае решались дальнейшие пути наших жизней, Кудинов поехал «за речку». Так говорили мы, возвращавшиеся на Родину, о тех, кто отплывал за океан — в Америку, Австралию. Впрочем, я знаю, что так будет, еще летом 1924 года, когда только что познакомился с Георгием в одном шанхайском кабаре. В шуточной сцене из «Кармен» он распевал тогда «Куплеты тореадора», а я изображал... переднюю часть быка.

Пел ли за океаном Кудинов тореадора, не знаю, но слышал, что последние годы он служил «боем» («мальчиком», служкой — а он примерно моих лет) в лифте и, нажимая кнопки, доставлял мистера и миссис на их этажи. Возможно, что претендентов на это место было много, и Георгию помогла обложка журнала с надписью: «Шаляпин и его друг Кудинов».

Вскоре после возвращения на Родину писатель Павел Северный выпустил чудесную книгу об Урале. В ней две повести — «Синий пояс» и «Топтыгин с Косью». В 1960 году, после многолетней разлуки, встретился с Павлом в Москве и получил от него в подарок только что изданную в «Детгизе» повесть «Шумит тайга Маньчжурии». В этой талантливой книге особенно полюбилась мне старая актер-кукольник Сун Чан-ю.

НЕЗАДОЛГО до смерти Ф. И. Шаляпин сказал сидевшему возле его постели драматургу актеру Г. М. Хмаре:

— Вот поправлюсь — обязательно поставим драматический спектакль... Давно хочется мне в «Лесе» сыграть Несчастливцева... Я ведь играл его когда-то в молодости... Только вот кто у нас может здесь Аркашку сыграть?..

До сегодняшнего дня лелею я мечту, что в ту минуту вспомнил он непогожий шанхайский вечер и коротенькую репетицию «Леса»...

Павел Дьяков,
артист.

Целиноград.